

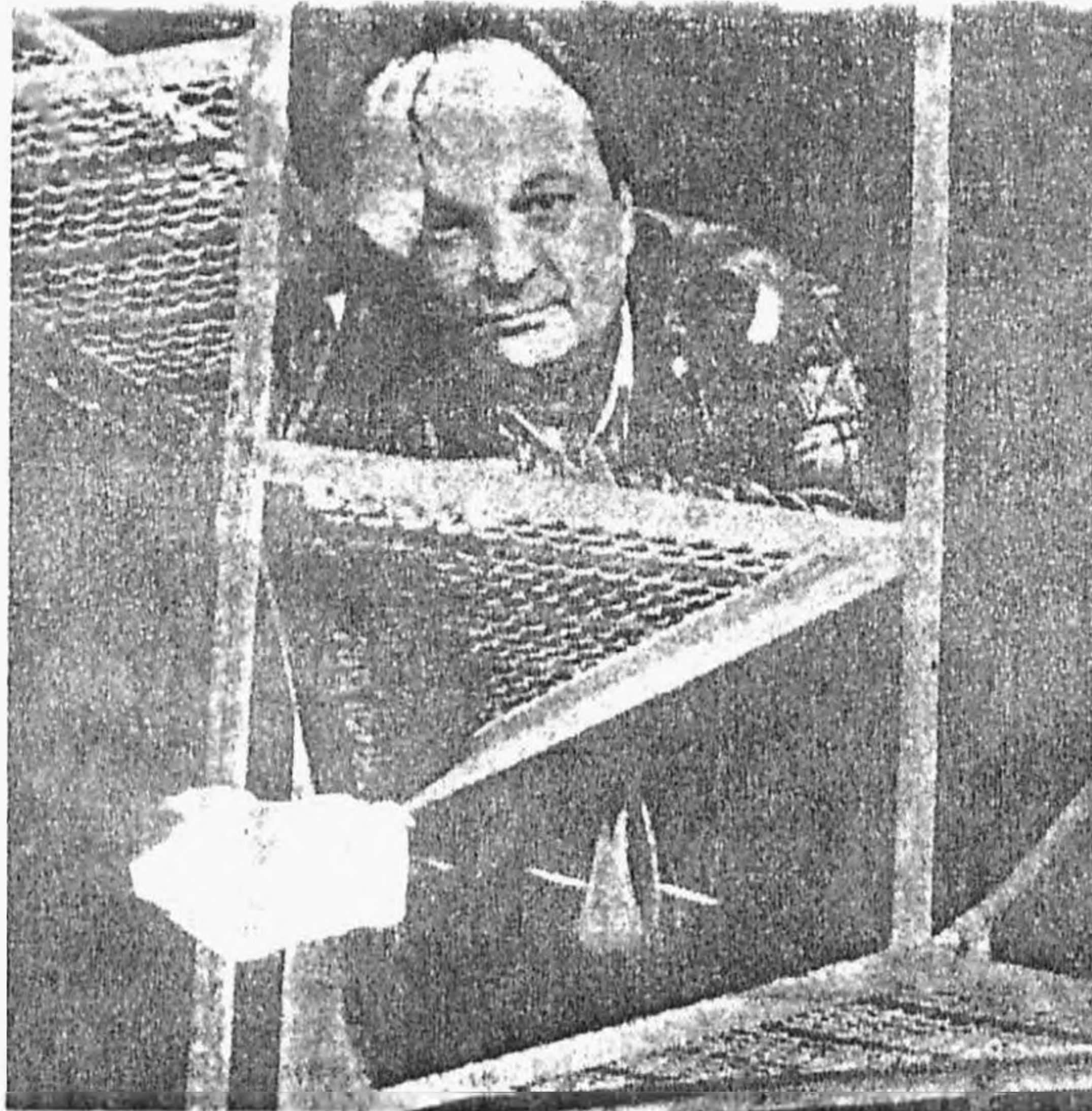
Еще один звонок — и стихнет шум вокзала.

По крупному счету, театр начинается не с вешалки. Чаще — со случайных отзывов, первых рецензий, пустых командировочных вечеров. Воронежский академический театр драмы имени А. Кольцова, каждый его спектакль — для меня всегда начинается с ночного Павелецкого вокзала. И с поезда.

И все это — поезд, огни, мнимая фотография, снег, романс, вертящийся в голове, — уже театр. В котором я бывал много раз. В который еду сейчас на бенефис его художественного руководителя Анатолия Иванова. В который, Бог даст, еще не раз поеду.

Огни

Наверно, Анатолия Иванова ждала бы судьба, типичная для провинциального театрального режиссера, если бы не одно обстоятельство. Да, собственно, до поры, до времени она и шла по обычному пути — переезд из горда в город в поисках своего, бытовая неустроенность, бесконечная череда спектаклей, поставленных с учетом требований времени и местных вкусов. Хорошим режиссерам удастся сделать несколько работ, которые запоминаются, о которых напишет столичная критика. Единицам — они у всех на слуху — создать свой театр. Иванов тоже ставил хорошие спектакли в разных городах. Некоторые до



Ноябрь. Сентиментальное путешествие в Воронеж

сих пор в репертуаре. Но в нем горел огонь, зажженный когда-то его учителем Эфросом. Огонь лелеемый, бережно хранимый в ожидании своего часа. Который непременно должен был настать, который настал, когда Анатолий Васильевич возглавил Воронежскую драму.

Он принял сильную труппу с прекрасными актерами, знающими толк в сцене, привыкшими работать. Но работать — по другому. Одному Богу известно, сколько сил пришлось потратить Иванову, прежде чем огонь, переданный ему Эфросом, зажег и его новых товарищей.

Первым спектаклем была гоголевская «Женитьба». Помню странное впечатление от него. Знакомый текст. Без новаций и исправлений. Знакомые реплики. Знакомые имена героев. Но почему-то от их уморительных слов в конечном счете становилось грустно. А за их именами — Яичница, Жевакин — почему-то слышались имена Башмачкина и Вырина. А в скуке Подколесина начинал видаться онегинский сплин. И оказывалось, что все эти смешные люди, путающиеся в огромной фате, опоясывающей сцену, вовсе не так уж меркантильны и глупы, а просто им почудилось где-то на миг (знать, в простодушие сердечном?), что вместе с рукой и сердцем Агафьи Тихоновны они обретут покой и надежное гнездо.

Это была комедия. Но это была и психологическая драма. Это был частный случай. Так, анекдотец. Но это была — и вся Россия. Со всеми ее нелепостями, одиночествами, надеждами.

Еще один звонок

Сегодня — четверть века, как Анатолий Иванов пришел на сцену. Дело обожает и не мыслит себя без него. На отсутствие близких по духу людей пожаловаться никак не может.

Но нет-нет, да и проскользнет в его ярких спектаклях, полных света, иронии, музыки, щемящая нота тоски. Как в «Любви по переписке», инсценировке по повести Г. Ройновича.

Это была грустная история о том, как красавец и балагур Иван Алтынник, познакомившись во время службы в армии с «заочницей», был обманут ею, почти насильно поженен. Как из лихого солдата он превратился в опустившегося мужичка в оранжевой железнодорожной униформе. Как раз, приехав к своей подруге по переписке на станцию Кирзавод, он оказался навсегда связанным с этой некрасивой, немолодой, злой женщиной, с этим унылым, безысходным местом.

И опять герои, разные по темпераменту, воспитанию, привычкам, оказывались беспомощными перед судьбой.

В спектакле «Любовь по переписке» главную музыкальную тему задавал известный романс «Сиреневый туман над нами проплывает» (кто теперь помнит, что он был популярен еще тридцать лет назад?). И это была одна из самых точных режиссерских находок: от спектакля в целом оставалось ощущение расставания, неизбежных потерь, невозвратности. (Вот и сейчас под стук вагонных колес все вер-

тится в голову: «...Над тамбуром горит полночная звезда».)

И все же — откуда у замечательного, признанного режиссера, народного артиста России, эта тема, эта пронизывающая острая нотка?

Фотография

Помню, как-то раз, тоже в ноябре, с того же Павелецкого вокзала я провожал Иванова домой. (Он перевозил своего старого отца-инвалида. И грустно шутил, что его родители так и не поняли, чем же занимается их сын.) Мы много говорили о Чехове. Иванов только что поставил «Безотцовщину», и потому главным героем этого разговора был Платонов.

Я вспомнил центральную сцену спектакля. Когда все герои, шутя, скучая, флиртуя, выстраиваются перед огромной фотографической камерой, дабы запечатлеть себя для потомства. Магнелия вспышка — и, пожалуйста, все они тут. Такие разные, но сейчас соединенные судьбой вместе для маленького кусочка вечности.

И я подумал тогда, что сам Анатолий Васильевич, в сущности, удивительно похож на своих чеховских героев. И уже поставленной «Безотцовщины». И еще не поставленных других пьес. Ранимость, душевная тонкость. Умение почувствовать главное в другом человеке. И неумение лгать, выкручиваться, льстить.

Интеллигент из разночинцев. Земский врачеватель душ.

Спектакль по «Безотцовщине» назывался «Храни меня, мой ангел белоснежный». Слова из романа, звучавшего в нем. Будто, поднимшись на сцену, встав между своими фотографирующимися героями, Иванов просил и за них, и за себя.

Бенефис

Я в поезде Москва — Воронеж. И значит — я уже почти в Воронежском академическом театре. Я с удовольствием перечту названия спектаклей на его афишах. Вспомню праздничную (театр в театре) «Коломбу» Ж. Ануя, тонкую, лиричную постановку «Все в саду» Э. Олби. Мысленно с удовольствием процитирую слова одного из старейших наших критиков о том, что среди учеников А. Эфроса Иванов наиболее близок по духу своему учителю. Потом я пожму руки своим друзьям, которых за пять лет у меня появилось в театре немало.

Потом будет бенефис и Островский. Даже не берусь предположить, учитывая творческую фантазию Иванова, что же будет на сцене. Точно знаю одно: меня ждет встреча с глубоко чувствующими, значительными героями.

И другое: когда-то, может, год спустя, тоже в ноябре, может, раньше или позже, я буду ехать в Воронеж. И к моим вроде бы случайным впечатлениям и фантазиям добавится что-то, какая-то яркая деталь из нынешнего спектакля.

Сергей БЕДНОВ.